

© 1998 г. Т.А. МИХАЙЛОВА, Н.А. НИКОЛАЕВА

НОМИНАЦИЯ СМЕРТИ В ГОЙДЕЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ: К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ КЕЛЬТСКОЙ ЭСХАТОЛОГИИ*

Настоящее небольшое исследование представляет собой, по сути, робкую попытку приблизиться к решению достаточно глобальной и сложной проблемы – реконструкции представлений об Ином мире у кельтских народов. В отличие от германцев, кельты не оставили письменных свидетельств наличия у них развитой системы космогонических и эсхатологических представлений. Причины, которыми принято объяснять этот пробел, достаточно разнообразны, дискуссионны и находятся вне рамок нашего исследования. Однако, что для нас важно, сам факт отсутствия в письменных (и фольклорных) источниках развернутых описаний Иного мира квалифицировался всегда именно как утрата, но не как изначальное отсутствие соответствующей системы представлений, что, в свою очередь, предполагало возможность реконструкции.

Подобные реконструкции, естественно, проводились и проводятся постоянно, однако ни к какому единодушному решению исследователи так и не пришли¹. Однако следует заметить при этом, что, несмотря на отдельные концептуальные разногласия, практически все попытки реконструкции кельтских представлений об Ином мире отличались общностью методики; в их основе лежал детальный анализ текстов (как письменных, так и фольклорных) с точки зрения их содержания, за которым прочитывался, преломленный и искаженный, некий пра-миф. Предлагаемая же нами методика заключается в первую очередь в ориентации не на текст, а на слово, отдельную лексему, в сжатой форме содержащую в себе иногда целый комплекс представлений. "Имя в тексте может иконически отражать (воспроизводить) то, что происходит с самим носителем имени в мифе" – пишет В.Н. Топоров об именах собственных [Топоров 1993: 83], однако в равной степени сказанное применимо и к апеллятивам и особенно – к идиомам, являющимся своего рода слепками духовных и материальных культурных срезов.

Возвращаясь к теме смерти, отметим, например, такие русские устойчивые выражения как *пребывать на небесах*, локализующее Иной мир, *вечный сон*, отражающее установку на неназывание отрицательного явления и его метафорическую замену, и *сыграть в ящик*, отсылающее к специфической погребальной обрядности. Аналогичные выражения, естественно, можно в изобилии найти и в языках гайдельской группы (древне-ирландский, современный ирландский и гэльский), причем анализ семантической мотивированности подобных выражений должен не только приблизить нас к решению основной задачи, реконструировать представления об Ином мире, но и по-путно обрисовать, что называется, "портрет коллективной языковой личности", "объединенной общностью диалекта и ценностной картины мира, запечатленной в общем тезаурусе" [Никитина 1989: 36].

* Исследование финансировано РФФИ (грант № 97-06-80352).

¹ Литература по вопросу, естественно, огромна. В качестве обзорных, относительно недавних и содержащих большую библиографию работ мы могли бы рекомендовать в первую очередь большую статью П. Симс-Уильямса [Sims-Williams 1990], цикл трудов Дж. Кэри [Carey 1982; 1987; 1989; 1993 и др.], а также обзор В.П. Калыгина «Кельтский концепт "мир" в сравнительно-исторической перспективе» [Калыгин 1995].

Для человеческого сознания смерть всегда вторична, но при этом неизбежна и поэтому трагична (в той или иной степени), что на уровне языковом должно было привести к установке на эвфемистичность самих номинаций умирания. Смерть не только не является "семантическим примитивом", но и в силу разного рода причин бывает иногда табуирована для открытого называния, поэтому, говоря строго, все ее обозначения в той или иной степени эвфемистичны, так как описывают одно явление через другое или другие. С другой стороны, отдельные номинации смерти самими носителями языка как эвфемизмы уже не воспринимаются и поэтому анализ их семантических мотивировок сводится, по сути, к этимологии, реконструирующей тот же эвфемизм, но на уровне уже более архаическом. Причем интересно, что спецификация значения и стилистические рамки употребления лексемы могут практически не зависеть от лежащей в ее основе идеи. Так, русские глаголы *скончаться* и *прикончить* не только отличаются по смыслу, но и принадлежат к разным языковым стилям, но при этом оба они базируются на идее смерти как конца существования.

Смерть неизбежна и универсальна, она в равной степени ждет богача и бедняка, короля и раба, человека и животное, что называется – перед смертью все равны. Однако на языковом уровне эта достаточно банальная мысль далеко не всегда находит свое воплощение, что выражается в разности номинаций смерти животного и человека, короля и святого, человека, умершего от старости, от болезни или в бою. И именно эта разность номинации должна выявить определенную систему оппозиций, характеризующих каждую конкретную языковую и ментальную общность. Естественно, анализ номинаций смерти с данной точки зрения, опирающийся на методику группы, работающей над составлением "Нового объяснительного словаря..." [Апресян 1995; 1997] в нашем случае из-за разброса материала как на диалектном уровне, так и в диахронии, необычайно сложен и принципиально не может быть исчерпывающим, однако сама попытка такого подхода кажется нам достаточно перспективной.

И, наконец, прежде чем перейти к непосредственному анализу собранного материала, который по-прежнему представляется нам все еще недостаточно полным, оговоримся, что виду того, что нами было отмечено очень большое число лексем, в той или иной степени обозначающих прекращение жизни, в предлагаемом исследовании мы намеренно отказываемся от рассмотрения глаголов типа *убивать*, *нападать*, а также типа *утонуть*, *сгореть*, *разбиться*, ограничивая круг анализа номинациями умирания как такового.

Попытка классифицировать собранный материал с точки зрения семантической привела нас к идее выделения нескольких групп-концептов смерти, в которых умирание соотносится с разными исходными действиями или состояниями, с которыми смерть оказывается связанной метафорически. Учитывалось при этом и то, кто именно, умерший или живущие, оказывается в том или ином случае в фокусе эмпатии, то есть – с чьей точки зрения описывается смерть. Забегая вперед, отметим, что данное противопоставление, практически не реализуемое для русского языка, ориентированного в первую очередь на самого умершего, для ирландского языкового сознания, как мы увидим в дальнейшем, оказывается необычайно актуальным.

Для гайдельских языков нами было выделено семь лексических групп, отражающих семь концептов смерти, однако, данное членение является в достаточной степени условным. Широко отмечаемое для ирландской языковой культуры влияние христианства и латинского языка накладывается на диффузность архаической лексемы в целом, с одной стороны, и многоаспектность самого представления об умирании, с другой. Поэтому выделение так называемых "поздних" обозначений, в отдельных случаях сомнений не вызывающее, в других оказывается достаточно сложным.

В качестве условных групп – концептов умирания были выделены следующие:

1. Смерть как уграта;
2. Смерть как недоступность для сенсорной перцепции окружящих (полная или частичная);

3. Смерть как деформация материи;
4. Смерть как вредоносная субстанция;
5. Смерть как уход;
6. Смерть как погребение;
7. Смерть как смерть (в последнюю группу были включены основы, которые, в принципе, также могут быть рассмотрены как один из концептов умирания, но которые для гайдельской языковой общности уже являются семантически немотивированными и реконструируются лишь на уровне индоевропейском).

Вероятно, для русскоязычной аудитории может показаться странным отсутствие таких, казалось бы, естественных в данном случае групп как "смерть как сон" и "смерть как конец". Но, как показали наши наблюдения, данные представления о смерти для ирландского языка действительно оказываются не актуальными. Причина их отсутствия, возможно, коренится в несколько ином отношении к смерти у кельтских народов в целом. Так, с одной стороны, смерть далеко не всегда мыслится как нечто отрицательное: вспомним, например, ирландский народный обычай веселиться и танцевать во время поминок, а также выражение *Ar mhaith leat bheith adhlactha le mo mhuintir? ("Не хотела ли бы ты быть похороненной рядом с моими родными?")* как традиционную формулу предложения "руки и сердца"². Характерно, что в одном из учебников современного ирландского языка в теме "Больница" вопрос "Что надо сделать, если пациенту вдруг стало хуже?" предполагает ответ не "вызвать врача" или "поместить его в палату интенсивной терапии" (как это было бы естественно для носителей иной культуры), а "послать за священником". Ирландское сознание не отрицает смерти, не стремится избежать ее и не боится называть ее открыто. Поэтому тенденция "метафорического умолчания", с известной долей лицемерия заменяющая *смерть – сном*, достаточно архаическая по своему происхождению (ср. в эпосе о Гильгамеше: "Спящий и мертвый друг с другом схожи..."), для ирландского языка не характерна. Более того, нами было встречено уподобление глубокого сна – смерти, но не наоборот (ср. также russk. спать мертвым сном, имеющее два значения): "...chruit ...co corastar for sluagu suanhás [OD: 20] – "...арфа, ...которая погрузила воинов в "сно-смерть".

Более того, идея уподобления сна смерти может в ирландской эпической традиции развиваться до полной реализации данной метафоры уже на уровне сюжета. Так, в саге "Похищение стад Фроеха" неоднократно встречается мотив смерти, причиной которой является прекрасная музыка: *Sennait dóbí farum conid apthatar dá fher déc dia muntir la coí 7 torsi* [TBF: 4] – "Так они им играли, что умерло двенадцать мужей из их людей от восторга и наслаждения"; *Athélat fir le clúas ngléssa dóbí* [TBF: 5] – "Многие мужи умрут, слушая их исполнение".

Идея смерти как сна, а точнее – Воскресения – как пробуждения была встречена нами лишь в житийных текстах. Так, в анонимном Житии св. Колума Килле XII в., составитель которого говорит о святом, что он по duisced marbu – букв. "пробуждал мертвых" [Herbert 1988: 242]. Ср. помещенное там же описание воскрешения юным Колумом Килле своего внезапно умершего учителя: *Tancatar na caillecha iarum 7 fuaratar in clerech marb fora cind, 7 atbertsat frisium duscad in chlerig dóbí. Teitsium fo cétoir do duscad in clerig. Atracht didiu in clerech a bás la brethir Coluim Cille amal bid ina chotlad no beth* [Herbert 1988: 227] – «Тогда пришли монахини и поняли, что клирик мертв и сказали ему разбудить клирика. "Сейчас иду я, чтобы разбудить его". Покинула клирика смерть от слов Колума Килле, будто тот просто спал». В данном эпизоде почти дословно повторяются слова Христа, сказанные им о Лазаре: "Лазарь, друг наш, уснул, но я иду разбудить его" [Иоанн, 11:11]. (ср. в ирландском переводе: *Tá an eodladh i ndiaidh teacht ar ág gcará, ar Lasarus, ach táimse ag dul lena dhúiseacht as a chodlladh*), что заставляет, предположить влияние христианской метафорики на традиционное уподобление смерти сну.

² За предоставление отдельного материала, находящегося за пределами письменных текстов и словарей, авторы благодарят своего ирландского коллегу Г. Баннистера.

В том, что касается отсутствия концепта смерти как окончания жизни, то проблема эта представляется более сложной. Ее интерпретация, видимо, коренится в особом отношении к смерти как к некоему исходному состоянию, предшествующему жизни (ср. "Загробная жизнь в представлении кельтов, по всей вероятности, представляла как продолжение и предшествование земной и, таким образом, была как бы интермедией в этом бесконечном существовании" [Носенко 1987: 192]). Понять эту, достаточно распространенную в кельтологии, идею, безусловно, не так просто и интерпретация ее выходит за рамки данного исследования. К тому же, видимо, под влиянием христианской культуры представление о смерти как о конце все же проникли и в кельтское сознание: ср. совр. валл. *franc* 'конец, смерть' [Lewis 1960: 153] и ср. ирл. *crich dheidheanach*, букв. 'последний предел' [CDIL, D-2: 12]. Однако надо отметить, последние примеры взяты из словарей, в том же, что касается конкретных текстов, то, повторяем, идея представления о смерти как о конце нами встречена не была.

Приступая к конкретному анализу выделенных групп-концептов смерти, отметим еще раз условность предлагаемой предварительной классификации и принципиальную неполноту материала: тема обозначений смерти – как мы понимаем – всегда остается и будет оставаться открытой как для новых интерпретаций, так и для дополнительных данных.

1. СМЕРТЬ КАК УТРАТА

Данная идея, казалось бы, является достаточно распространенной, однако именно в ирландском языке она оказывается грамматикализованной и органично входит в синонимику умирания, а не в ряд перифрастических описаний факта смерти. Так, русская фраза *Она потеряла мужа на войне*, с одной стороны, действительно может быть интерпретирована как синонимичная фразе *Ее муж погиб на войне*, однако, с другой стороны, для русского сознания идея утраты или потери оказывается немыслимой без указания адресата потери, который является не только логическим, но и грамматическим субъектом высказывания (ср. **Ее муж был потерян ею на войне*). Для ирландского языка, напротив, пассивные конструкции с логическим субъектом – умершим и глаголом или отглагольным существительным, выражающим идею утраты, являются достаточно распространенными, однако, как мы понимаем, в фокусе эмпатии в данном случае все равно оказывается не умерший, а живые. Иными словами, если для русского сознания факт утраты мужа принадлежит, все же, биографии вдовы и поэтому не может быть включен на вербальном уровне в ряд обозначений умирания, ирландская "потеря", хоть и также описывает смерть "глазами живых", входит в число анализируемых нами лексем, так как предполагает возможность пассивных конструкций и не требует указания субъекта потери.

Так, для современного ирландского языка (независимо от стиля высказывания) являются достаточно регулярными конструкции типа: *cailleadh é*, букв. "он потерян" (при *caillim* 'теряю'), употребленные в значении 'он умер', причем необходимо отметить при этом полную нейтральность и продуктивность глагола "терять". Ср. Tá sé caillte sa bliain 1968 – "Он умер в 1968 году"; Do bhí feirmbeir, fado, ann agus do cailleadh a bhean [Bl 1928: 283] – "Жил-был один фермер и жена его умерла"; Cailleadh an leanbh iarnamháireach [Bl 1928: 212] – "Ребенок умер на следующий день"; Cúig bliana déag tar éis í chailliúint [Bl 1928: 207] – "Через пятнадцать лет после ее смерти" (букв. "потери") и т.д.

Другая группа слов, передающая идею смерти как утраты, представляет собой целый пучок лексем, соотносимых друг с другом (*teshaid, tesbail, testail, testraigid, estecht, etsecht, esbaid* и пр.). Главным значимым элементом в них оказывается префикс *ess-* 'из, вне', передающий общую идею отсутствия, собственно же глагольных основ при этом – две: *ta-* и *be-*, причем обе входят в парадигму глагола бытия. В отдельных случаях перед *ess-* стоит *t-*, восходящее к пустой семантически глагольной частице *do-*. Например: ...teasta Tea ingen Luigdeach [RR: 168] – «...умерла (букв. – "отсутствовала")

Тэа, дочь Лугайда»; *Do ragnir tra Boíte mac Brolnaig i n-cair a etsechtai in trí Colum Cille* [Herbert 1988: 224] – "Предсказал же Бонте сын Бронага в час своей смерти приход Колума Килле"; *Esbaidh móir do Éirinn ailiú Mac Erca* [AMME: 27] – "Утрата великая для Ирландии сегодня сын Эрк" (т.е. – "сегодня погиб сын Эрк"), ср. *ní fes méd a n-esbada* [CDIL, E: 183] – "не известно количество их утрат" (т.е. – "не известно число погибших").

То, что при обозначении смерти как отсутствия, утраты сохраняется установка на живых, а не на самого умершего, говорят и другие значения данной группы слов, обозначающих широкий комплекс понятий, связанных с общей идеей нехватки, недостачи, утраты: ср. *Ni fitir Medb tesbaid in claidib* [CDIL, T-1: 156] – "Не известна была Медб нехватка мечей" (т.е. "Медб не знала недостатка в мечах") или – *in tan theasdaigheas bō uait...* [CDIL, T-1: 159] – "когда будет нужен скот тебе..."; или – со *mbeth sé ar esbaid tri n-aidhcí* [CDIL, E: 184] – "так что он отсутствовал три ночи" и пр.

Строго говоря, в эту же группу могут быть включены и выражения с глаголом быть в отрицательной форме – ср. русск. "его нет" = "он умер": например, *Colum cen beth* – букв. "Колум без бытия" [ACC: 160]. Общей при этом остается идея описания смерти как отсутствия умершего среди живых, т.е. смерть описывается глазами живущих.

Видимо, эта же идея присутствует и в лексеме *díth*, семантическая мотивированность которой представляется нам достаточно сложной. В современном ирландском языке *díth* обозначает в первую очередь "отсутствие, нехватку, потребность в чем-л." (ср. *tá... de díth orm* – "мне нужен..."). В древнеирландском данная лексема также, как мы можем судить по данным словаря (CDIL), имела в качестве основного значения 'нехватка; ущерб; недостача' (в Вюрцбургских гlossenах гlosсируется как *detrimentum*). В отдельных случаях оказывается трудно сказать, какое именно значение лексемы имеется в виду в тексте, например – *flaith cen díth cen dsbad* [CDIL, D-2: 144] – "царство без ущерба без смерти" или "царство без гибели без смерти" (нанизывание аллитерирующих синонимов является одной из характерных черт древнеирландской прозы); или – *Tánic díth do buaib Étenn ina flaith* [RR: 294] – "Пришел недостаток (падеж – ?) скота в Ирландии в его правление". *Díth* с чистым значением "гибель" употребляется обычно как поэтизм: *Dubhach sin, a dhúin na ríogh, / ní hióngnadh dhuit do dhíth Néill...* [Knott 1966: 24] – "Мрачно это, о крепость королей / не привычна для тебя гибель (утрата) Ниала..." .

Ср. также интересный пример употребления лексемы в саге "Разрушение Дома Да Хока" (рукопись XV в.) – *Batar Ulaídh hi comairle iat díth Conchbarair díá fis cia díá tiberdais righe* [BDC: 150] – "Стали улады держать совет после смерти Конхобара, дабы решить, кому передать королевскую власть". Выбор лексемы ясно показывает установку составителя текста, который делает акцент не столько на факте умирания короля, сколько на его последствиях: смерть Конхобара лишает уладов правителя и ставит их перед необходимостью искать ему замену.

Таким образом, как мы видим, значение 'смерть' у данной лексемы является вторичным. Однако, при этом очевидно, что др.-ирл. *díth* соотносится с многочисленными лексемами, особенно широко представленными в германских языках, обозначающими смерть и традиционно возводимыми к и.-е. **dʰeu-* 2 'умирать, исчезать' (см. [Топоров 1990: 53]). Однако употребленный нами глагол "соотносится", естественно, не может подменить конкретного анализа и мы можем в данном случае лишь повторить слова Д. Бака о том, что "глубинные взаимоотношения разных представителей **dheu-* групп не ясны" [Buck 1949: 237]. Рефлексы **dʰeu-* в ирландском представлены в первую очередь обозначением "человека" (*duine*) как "смертного" (ср. хет. *danduki-* 'человек; смертный' – [Иванов 1987: 7]), а также, возможно, слабым глаголом *ru-deda* 'ослабляться, иссякать' (глосс. как *contabuit* [Thurneysen 1946: 474]), соотносимым скорее с **dʰeu-* 4 'рассеиваться, разноситься (о запахе и звуке)'. Включение же в "**dheu-*-группу" др.-ирл. *díth*, предложенное еще Ю. Покорным [Покорный, 1: 260], строго

говоря, не является самоочевидным фактом, так как значение 'смерть' у данной лексемы, как мы пытались показать, является вторичным, значения же 'конец' – нет вообще. Принятие данной гипотезы, как мы полагаем, возможно лишь при допущении следующего пути семантического развития: у данной основы сохраняется исходное значение 'исчезать' в пракельтском, а затем и в прагойдельском, сам же переход к 'умирать' происходит уже в эпоху историческую, одновременно со спецификацией значений к 'ущерб, разрушение, недостаток'. В принципе, с учетом характерной для гойдельского консервацией архаических черт подобный переход вполне возможен (ср., например, сохранение архаического значения 'правый – южный' в ирл. *deas*).

2. СМЕРТЬ КАК НЕДОСТУПНОСТЬ ДЛЯ СЕНСОРНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ (ОКРУЖАЮЩИХ)

Данная группа, естественно, реализуется в первую очередь как недоступность для зрения, т.е. как "потемнение" (ср. аналогичный пример из Аяндавардханы в уже цитированной нами работе В.Н. Топорова [Топоров 1990: 53]), что отчасти также соотносимо с и.-е. **dʰeu-*. Однако для др.-ирл. архаическая идея смерти как недоступности для зрительного восприятия (ср. также и.-е. **ter-* 'мерцать, меркнуть') реализуется на уровне вербальном при помощи других основ.

Среди них следует в первую очередь выделить лексему *bás*, являющуюся как в древнеирландский период, так и в современных гойдельских языках основным, базовым обозначением смерти (через него, как правило, глоссируются другие ее обозначения – bath. i. *bás* и пр.). Этимология данной лексемы явилась предметом ряда дискуссий, видимо, ввиду поспешного ее соотнесения с другими,озвучными фонетически и семантически, лексемами (*ba-*, *bath*, *at-bath* и др., см. [Vendryes 1981: В-21, а также – В-1, В-22], о чём – ниже). В настоящее время очевидным является ее возведение к и.-е. **gʷʰes-* 'гасить' (ср.санскр. *jáṣa-ti* 'угаснуть, выдохнуться, опустеть', тох. A *kás*, латв. *dziēsti* 'гаснуть', русск. *гаснуть*, *гасить* 'то же', при гот. *qistjan* 'ничтожать', *fra-qisijan* 'гибнуть').

Широкое распространение лексемы, как можно предположить, вызвало специфиацию нюансов ее употребления уже в среднеирландский период, что выразилось в конкретных синтаксических и лексических особенностях введения ее в текст. Так, традиционное выражение *fuair sé bás* букв. "он получил смерть", которое для современного языка является нормативным, предполагает осмысление умирания как получения извне некоей субстанции (ср. также – ср.-ирл. *im-birti bás* "причинить смерть", букв. "внести"). В то же время, сочетание *dál bás* – "встречать со смертью" (ср. *Dar th'ordan oscus darsin dáil i tiag-sa* i. *dál bás...* [FR: 7] – "Клянусь твоей властью и встречей, на которую я иду, встречей со смертью..."), а также народное выражение *Tá sé ag comhra leis an mbás* – букв. "он разговаривает со смертью" в значении "он при смерти", предполагают осмысление смерти как некоей персонификации умирания. С другой стороны, глагольный ряд с общей идеей перемещения, субъектом которого также является *bás*, не только подкрепляет идею возможной персонификации смерти, но и добавляет к ней нюанс возможного пребывания смерти в некоем фиксированном месте, откуда она время от времени может появляться и куда она уносит умершего (или он отправляется туда сам). Ср., например: ...hi fiu leu bás n-aill du techt fortu (из Миланских гlossen [CDIL, B: 41]) – "...та другая смерть должна прийти к ним" или – Ead pot-béaga i. *bás do rinn* [BS: 10] – "Это тебя унесет, т.е. смерть от копья". Последняя идея соприкасается с другой выделенной нами группой – смерть как уход – и с изначальным осмыслением умирания как затмнения или угасания в сознании носителя языка уже в древнеирландский период, скорее всего, не ассоциировалась.

Другая лексема этой группы, *cel* (совр. *ceal*), на наш взгляд, осознавалась как более мотивированная семантически, поскольку являлась производным от *ceilim* 'прячу'. Основа возводится к и.-е. **k'el-*, откуда вал. *celu* 'скрывать', лат. *celo* 'прячу', греч.

каликтώ ‘то же’, гот. *huljan*, др.-исл. *hylja*, др.-англ. *be-hyllan* ‘покрывать, укрывать’ при (!) гот. *halja*, др.-исл. *Hel*, др.-англ. *hell* ‘мир мертвых, Хель, ад’. Таким образом, обозначение *cel* – смерти может интерпретироваться и как продолжение идеи об умирании – исчезновении (для перцептивного восприятия), сокрытии, недостаче, и, одновременно, выступать в качестве обозначения некоего скрытого пространства, осмыслиемого в качестве локуса Иного мира.

С точки зрения частотности употребления, *cel* является гораздо менее распространенной лексемой, чем *bás*, и относится скорее к сфере книжной лексики (в христианском контексте соотносится скорее с Раем или небесами). Ср. в ср.-ирл. тексте Жития св. Колумы Килле (XVI в.) – O ra boi Colum Cille tricha bliadan i nAlbain ro gab inmall firu Erenn ima fhaicsin 7 ima imacallum rin ndul ar ceal [Herbert 1988: 244] – “После того, как пробыл Колум Килле тридцать лет в Шотландии, охватило желание мужей Ирландии его видеть и говорить с ним, прежде чем он умрет (букв. – уйдет в укрытие)”.

Идею исчезновения как затмения выражает и относительно редкая лексема *tēme* (*teime*), образованная от основы *tem-* ‘тьма’ (ср. др.-ирл. *teimen* ‘темный, неясный; темного цвета’ при russk. ‘темный’ ‘то же’, литов. *tēmti* ‘темнеть, смеркаться’, перс. *temel* ‘мрак’, к и.-е. **tem-* ‘отсутствие света’). Вторичность обозначения смерти в этом случае не вызывает сомнений. Однако надо признать, что *tēme* как обозначение смерти встречается лишь в глоссариях или в текстах подобного типа. См. известную глоссу XII в. к “Чуду Колумы Килле” (поэме, датируемой концом VI) – *dibath 7 bath 7 ba 7 bu 7 cel 7 tēme ic sluind epilten* [ACC: 170] – "...обозначают умирание". Ср. там же – *fo lith doluid ar theme* – "(он) счастливо ушел во тьму (т.е. – умер)". Ср. также совр. гэльск. *teamhal* ‘обморок, беспамятство’ [MacLennan 1925: 336].

Таким образом, умерший оказывается погруженным во мрак, он одновременно скрыт от глаз живущих, т.е. не виден (“угас”) и сам находится во мраке (“тьме”), т.е., видимо, сам в силу ряда неизбежных изменений утрачивает способность видеть мир живых (ср. распространенную тему слепоты и кривизны как сопричастности Иному миру). Но метафора зрения является не единственной, охватывающей сферу перцепции. Данные ирландской эпической традиции предоставляют нам другой пример осмыслиения умирания – как утраты способности говорить, что на уровне вербальном реализуется в распространенном выражении *atbelat a bhéoil* – “помертвейте его/ее губы” = “он/она умрет”. Это словосочетание, надо отметить, часто встречается в контексте верbalной акции (типа “помертвейте его губы, если он скажет неправду” и др.), однако может быть использовано и изолировано – ...*atbelat a bhéoil side i mbarach d'adaig* [TBF: 9] – "...она умрет завтра ночью". Данное выражение встречается обычно в текстах саг и, видимо, может быть соотнесено с архаическими кельтскими представлениями о том, что мертвые теряют способность разговаривать (ср. в валлийском эпосе рассказ о чудесном котле, куда можно было положить тело убитого воина – на следующее утро он мог опять сражаться, но терял способность говорить; ср. также фольклорный рассказ об обретении крестьянином его умершей жены – она нашлась на небольшом островке, где жила как обычный человек, но была нема [Síscealta... 1977: 234]).

Итак, мертвые невидимы и немы. С точки зрения живых и их комплекса перцептивных ощущений, “тело человека предстает как достаточно пестрое соединение разнородных элементов. Смерть рассматривается прежде всего как их уничтожение” [Иванов 1990: 10].

Однако в ирландской традиции прекращение возможности восприятия умершего живыми людьми интерпретируется не столько как уничтожение, сколько как исчезновение. Недоступные для сенсорного восприятия, мертвые, как кажется, не прекращают своего существования, но форма его становится принципиально иной, недоступной для ординарной личности мира этого. Ср. при этом мотив одноногости, однорукости и одноглазости инфернальных существ в ирландской мифо-поэтической традиции: вторая

их половина находится в мире ином и поэтому для восприятия живущими в мире этом остается недоступной.

Мертвый, таким образом, не уничтожается, но меняется, что на вербальном уровне воплощается в достаточно позднем эвфемизме, распространенному в Шотландии – как пишет об этом Э. Росс, "находясь в современной шотландской деревне, человек должен остерегаться употреблять выражение *fuair sè bas*, которое применяется только по отношению к животным. Говоря о людях, современный шотландский крестьянин скажет скорее *do caochail sè* 'он переменился' [Ross 1990: 110]. Совр. гэльск. *caochail* 'изменяться' восходит к др.-ирл. *con-imchldim* 'изменяю, изгибаю' (к и.-е. **kleu-*'гнуть'), что соотносится с общегерманским обозначением конца мира как результата закругления и загибания (см. [Топорова 1994: 45–46]), а также с русским *гибель*.

3. СМЕРТЬ КАК ДЕФОРМАЦИЯ МАТЕРИИ

Если концепт смерти как утраты и смерти как исчезновения описывает умирание скорее глазами живущих людей, через их эмоциональное и сенсорное восприятие, то группа лексем "смерть как деформация материи", естественно, уже предполагает направленность на самого умирающего. Среди лексем, представляющих данную группу (надо отметить – достаточно малочисленных по употреблению) следует назвать в первую очередь основу *tátm*- (откуда *támath* 'вялый, изнемогающий', *támaid* 'умирает', *támgail* 'чума' и др.), входящую к и.-е. **ta-/te-***tai*, откуда вал. *tawdd*, брет. *teuzi* 'таять', а также гр. τηκω 'таять' и русск. *таять*.

Др.-ирл. *tátm* означает в первую очередь естественную смерть, обычно – наступившую в результате болезни, а также – саму эту смертельную болезнь или обморочное состояние, предшествующее смерти. Ср.: *Dofic a tbrithart stád 7 aplis do thám* (ЛУверсия саги TBDD, цит. по [Bhreatnach 1982: 257]) – "Напала на него великая жажда и он потерял сознание и умер" (букв. – "умер в потерю сознания"). Ср.: *Tainic iaromh taimnelli do Shuibhne* [BS: 154] – "Напал потом смертельный обморок на Суйбне" (поскольку в дальнейшем описывается погребение героя, видимо, данное словосочетание в саге имеет значение 'смерть').

Но, надо отметить также регулярное использование клише *aibath do tátm* 'умер от болезни' (как правило – чумы или иной эпидемии) в хрониках [RR: passim]. В современном ирландском языке *tátm* утратило значение 'смерть' и употребляется для обозначения ступора, обморочного состояния, близкого к летаргическому сну. В гэльском – слилось с *teamhal* 'беспамятство'.

Но если *tátm* предполагает разрушение материи как "таяние", то есть – деформацию постепенную (при смерти естественной), то основа *tuit* – "падать", входящая в клише, описывающие смерть противоестественную (обычно – на поле битвы), означает внезапное нарушение исходного состояния материи – ср. русск. *пал* в аналогичном значении и др.-англ. *hryre* 'смерть, гибель' от *hreosan* 'падать' [Русацкене 1990: 18], а также лат. *cededit*, используемое и в ирландских хрониках. Однако, надо отметить, что в ирландском претеритная супплетивная форма *do(to)-rochair* используется не только для обозначения гибели в бою, но и для описания практически любой неестественной, то есть – внезапной смерти. Например: *Crimthand mac Fidaig... co torchair la Mongfind, la derfiar féin* [RR: 346] – "Кримтан сын Фидага... погиб от (руки) Монгфинда, его собственной сестры" (она его отравила), или – *Do rochair tra Domnall mac Aeda far teacht ón Roim* [RR: 376] – "Погиб же Домналл сын Аода после возвращения из Рима" (видимо, умер внезапно и причина смерти осталась не известной).

Ограниченностю глагола *tuit*- в значении 'погибать', в основном, текстами хроник заставляет предположить латинское влияние, однако сама идея смерти как внезапного изменения исходного вертикального состояния вполне органически вписывается в ирландскую языковую систему, входя в оппозицию "постепенное разрушение (таяние) – внезапное разрушение (падение)".

Особый интерес представляет лексема, присутствующая в современном ирландском (в основном – в диалектах) и также передающая идею смерти как разрушения материи, но одновременно – постепенного и внезапного и включающего как деформацию мягких тканей (вытекание), так и измельчение твердых (рассыпание). Мы имеем в виду группу лексем, восходящих к др.-ирл. *síthal* ‘котел, ведро, воронка, фильтр’ (из и.-е. **setlo-*, откуда русск. *сито*), при др.-ирл. *síthal* ‘труп, мертвец’ [Vendryes 1974: S-122]. В современном языке рефлексы данной основы закреплены в двух формах, отчасти – синонимичных, *síothluighim* ‘иссыхаю, ослабляюсь, умираю’ и *séaluighim* ‘фильтрую, просеиваю, выпадаю в осадок, умираю’ [Dinnen 1927: 1003, 1042]. Возможно, идея распада материи, вызванная общим представлением о смерти как утрате изначальной формы и энергии (ср. русск. разг. *выпадать в осадок* в значении ‘лишиться сил’ и ‘не принимать участия в какой-либо деятельности’), в данном случае была поддержана др.-ирл. *síth* (*sid*) ‘мир, покой’. Ср. *Shiothlaigh an ghaoth* ‘ветер успокоился’ (англ. *died* [Dinnen 1927: 1042]).

Корень *mel-* с общим значением ‘разрушать, разбивать’ (ср. русск. *молоть*), видимо, лежит в основе двух других обозначений смерти, *melg* и *melt*, встречающихся только в гlosсах и в композитах: *melgteme* i. bás (“смертельная тьма”) и *melgtene* (букв. “смертельный огонь” – ‘погребальный костер’). См. [Vendryes 1960: M-33].

Близкая идея смерти как разрушения кодируется и основой *mad-* с общим значением “распад материи, расщепление, уничтожение исходного состояния”. Ср. др.-ирл. *mudugud* ‘гибель, разрушение, смерть’ при *tadae* ‘напрасный, бесполезный, бессильный, вялый’. Присутствующая в и.-е. **mad-e* общая идея таяния и превращения во влагу (лат. *madere* ‘быть мокрым’, греч. *μαδάω* ‘теку’, санскр. *mádat* ‘он пьян’) в ирландском развивается в общий концепт разрушения в целом (при *tomadma* ‘наводнение’). Например: *Is leor mo mudugud m'oenuig* [ODR: 20] – “Хватит и одной моей смерти”. Ср. также пример соединения обеих смысловых нюансов (излияния жидкости и общего разрушения) – *La sodain maidid a loim fola for a beolu ocus at-bail fo chetoir* [FR: 11] – “Тут поток крови хлынул у него изо рта и он умер”.

Осмысление смерти как деформации материи вследствие ее внезапного разрушения присутствует также в широкой палитре глаголов убивания, выходящей за рамки нашего непосредственного исследования.

4. СМЕРТЬ КАК ВРЕДОНОСНАЯ СУБСТАНЦИЯ

Семантически группа примыкает к предыдущей, поскольку, во-первых, также ориентирована на самого умирающего и, во-вторых, на умирание как процесс, а не как результат. Несмотря на то, что к данной группе могут также примыкать отдельные лексемы из других групп, оформленные соответствующим образом (например, “получать смерть”), в чистом виде она представлена только одной лексемой – *tonnad*, гlosсируемой и как ‘яд’ (i. *neimh*), и как ‘смерть’ (i. bás). Ж. Вандриес отмечал неясность этимологии *tonnad* [Vendryes 1978: T-110], однако представляется очевидной ее вторичность по отношению к др.-ирл. *tonn* ‘волна, влага, жидкость’, а также ‘прилив гнева, поток’ и ‘извержение экскрементов, рвота, кровотечение’. *Tonnad*, таким образом, это то, что вызывает *tonn* – некое разрушительное для организма истечение влажной субстанции и, одновременно, вредоносная жидкая субстанция как таковая, т.е. яд (смертельная жидкость). Ср.: *Nírbo lór dano la Cobhtach in chéitfhingal, co tart argat do neoch do-rat dig tonnaid do Ailill combo marb de* [ODR: 19] – “Не хватило же Кобтаху первого убийства родича и сделал он ему серебра для питья и дал питье смерти Айлилю, от чего тот умер”. Ср. также разные интерпретации одного и того же эпизода с отравлением в разных рукописях “Хроники королей” – (Min) ...conerbait do digh thondaig (“умер от питья смерти”) и (R³) ...conerbait don digh nimhē (“умер от питья яда”).

В отдельных контекстах *deoch tonnaid* может употребляться метафорически как

"смерть" вообще – "питье смерти", например, в "Разрушении Дома Да Дерга": *Is sochuide díá tarad deoga tondaig anocht ar dorus mBruidni* [TBDD: 46] – "Многим был поднесен напиток смерти сегодня вечером у входа в Дом" (т.е. многие были убиты).

Мотив смерти как питья, как нам кажется, представляет собой своеобразную реализацию темы "напитка бессмертия", в кельтской традиции в чистом виде не представленной.

Возможно, в данную группу может быть включено и позднее обозначение смерти (преимущественно – животных) – *stiúg* [Dinnen 1927: 1166], восходящее к др.-ирл. *stióg* 'вздох, вдох' (из др.-англ. *stocc* 'труба' [Vendryes 1974: S-191]). Смерть, таким образом, может быть осмысlena как вдыхание вредоносной субстанции и, одновременно, как отсутствие способности к дыханию (ср. русск. *подыхать* в аналогичном значении).

5. СМЕРТЬ КАК УХОД

Данная группа может быть квалифицирована как относительно поздняя, поскольку все, представленные в ней многочисленные обозначения умирания являются даже не эвфемизмами, а своего рода перифрастическими описаниями, практически не нуждающимися в реконструкции. Интересно при этом, что с процесса умирания акцент в ней переносится уже на посмертное существование, видимо, души умершего (но говорить об этом приходится с очень большой осторожностью). Строго говоря, мы не можем утверждать, что сам факт наличия данных выражений предполагает существование в коллективном сознании говорящих конкретно локализуемого ими пространства Иного мира, куда после смерти отправляются умершие, поскольку в отдельных случаях фразы типа "он ушел" могут рассматриваться как синонимичные "его нет (среди нас)" и, таким образом, оказываются соотнесенные с концептом смерти как утраты. См., например, в фольклорном рассказе о посещении Ойсином Страны вечной юности: когда он вернулся в Ирландию, все фении уже были мертвые, т.е. их уже не было: *bhí siad ar fad imthíghthe* [Bl. 1928: 220] – букв. "все они ушли" (ср. аналогичный эпизод в учебнике ирландского языка для младшей школы – *Bhí na fianna marbh* ("Фении были мертвыми"). Аналогичная идея одновременного отсутствия и ухода соединяется, видимо, и в шотландском эвфемизме *shuibhail ē* 'он путешествует' [Ross 1990: 110]. Мотив "унесения смертью" присутствует и в уже отмеченных нами словосочетаниях с лексемой *bás*.

Больший интерес, с нашей точки зрения, представляют описательные конструкции, в которых не только присутствует соответствующий глагол движения (или перемещения), но и указывается тот или иной локализатор, отсылающий к соответствующим представлениям об Ином мире. Естественно, в поздних текстах мы можем найти большое количество упоминаний о Небесах, Рае и Аде, вторичный характер которых не вызывает сомнений. Например, в Житии св. Молинга: *Luaidh co huasal ocus co honorach docum an tsossaídh ainglecda* (текст XVII в.) [Stokes 1906: 304] – "Ушел он благородно и с честью на место английского отдохновения".

Другие выражения, более редкие, очевидно отсылают нас к иной, более архаической традиции локализации Иного мира, однако делать тут какие-либо выводы мы можем лишь с большой долей осторожности.

Так, народный эвфемизм *d'imir an bád leis* – 'лодка уплыла с ним', явно отсылает нас к представлениям об Ином мире, находящемся на островах за морем (ср. мотив плаваний, *immgat*, как посещений Иного мира в ирландской мифопоэтической традиции), однако автохтонность данного концепта в настоящее время является предметом дискуссий (см. [Dumvill 1976; Mac Cana 1976]). Впрочем, вторичность мотива не противоречит его укорененности в народной традиции, а также в языковом сознании, то есть на уровне фразеологии.

То же можно сказать и о ряде выражений, соотносимых с так называемой "традицией Донна" – представлениями об Ином мире, находящемся на маленьком острове у юго-западного побережья Ирландии (*tech Donn*). Например: *go dtí (go drígh) Diúinn!* –

букв.: "к (к дому) Донна!" (т.е. – "чтоб ты умер"). Первое упоминание о Донне, одном из сыновей Миля Испанского, погибшем у берегов Ирландии, и одновременно – боже смерти, содержится в "Книге захватов Ирландии" (...со го báitte os na Dumachaib os Taig Duind. Duma caíca fhír and [LGE: 38] – "...так что они утонули возле Думаха у Дома Донна. Там могила каждого человека"), однако архаичность данной традиции довольно проблематична. Подробнее о "Доме Донна" см. [Müller-Lisowski 1945]. Выражения, отсылающие к "дому Донна", являются перифрастическими и к числу органических номинаций смерти отнесены быть не могут.

6. СМЕРТЬ КАК ПОГРЕБЕНИЕ

По сути, то же можно сказать и о группе слов и устойчивых выражений, перифрастически описывающих умирание как осмысление посмертной судьбы умершего, но не с точки зрения души (или иной внетелесной субстанции), как в предыдущей группе, а с точки зрения – тела. Все, входящие в группу выражения относительно поздние и, что, с одной стороны, затрудняет анализ, а с другой – не требует от него исчерпывающей тщательности, все они представляют собой необычайно живые образования, состав которых постоянно меняется. Так, отметим выражения типа *tá culaith adhmaid air* 'на нем деревянный пиджак', *tá sé faoi chlocha* 'он под камнями', *tá sé ag ceansú ina cré* 'он погружен в землю', *tá sé faoin fhód (sa cré)* 'он под землей (в почве)', *cuireadh sé* – букв. 'он положен' ('похоронен') и проч. Ряд, названный условно "nos habebit humus", оказывается неисчерпаемым.

Однако, вербализация идеи перифрастического описания смерти через погребение, естественно, должна опираться на тафологический тезаурус социума (т.е. сумму знаний о способах обращения с умершим, см. [Смирнов 1985]), которая далеко не всегда может совпадать с реальной погребальной практикой. Так, традиционная ингумация, которая описывается в ирландских сагах и входит в состав клише, как показали археологические данные, не соответствует реально практикуемой в дохристианской Ирландии кремации.

В качестве наиболее распространенного клише, регулярно употребляемого в народной речи в значении "умереть", нами было встречено выражение *dul i dtalamh*, букв. "идти в землю". Например: *Tháinig sé abhaile, agus ón lá sin go dteachaidh sé i dtalamh ní theachaidh sé chun an chnoc ar aaghaidhe féin* [Síscéalta... 1977: 76] – "Он пошел домой и с того дня до самой смерти (букв. – до того, как пошел в землю) не ходил больше на холм в одиночку"; или – *Ní chaith an bhaintreach bhocht sin lá gan airgead ón lá sin go dtí an lá a chuaigh sí i dtalamh* [Síscéalta... 1977: 40] – "Не было у бедной вдовы с того дня недостатка в деньгах до самой смерти (до дня, когда она пошла в землю)".

Интересно, что глагол *luigh* 'лежать, класть' в ирландском языке также оказывается настолько прочно ассоциирующимся с парадигмой погребения, что воспринимается как один из синонимов умирания. Именно этим, видимо, объясняется последовательная замена евангельского "возлежания" в ирландском переводе "сидением за столом". Так, например, русский перевод: "Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками" – ирландский перевод: *Nuar a bhí sé ina thráthnóna, shuigh sé chun boird* (букв. – "сел к столу") *é féin agus an dáreag disceabal*.

К данной же группе, видимо, следует отнести и др.-ирл. *nás*, 'смерть', достаточно редкое слово, образованное по мнению Ж. Вандриеса из *násad* 'праздник', ("праздник-поминальный обряд–погребение–смерть") [Vendryes 1960: N-3], однако семантическая мотивированность данного перехода кажется нам сомнительной. Лексема встречается только в гlosсариях (.i. *bás*).

Итак, рассмотренный нами материал достаточно логично сам распадается на шесть групп-концептов смерти, которые в свою очередь, группируются по две, описывают разные подходы к умиранию: смерть как отсутствие умершего среди живых (1 и 2), умирание как процесс (3 и 4) и последствия смерти для самого умершего (5 – для души и 6 – для тела).

Как можно предположить, лексемы, образующие эту группу и реконструируемые лишь на уровне индоевропейском (или хотя бы – прагойдельском) и уже не осознаваемые как мотивированные семантически в древнеирландский период, также, хотя бы отчасти окажутся соотносимыми с уже выявленными нами концептами смерти. Однако, как мы понимаем, семантическая диффузность архаической основы затрудняет анализ ее "мотивированности". Но все же – попробуем.

Одной из самых распространенных основ, кодирующих идею умирания, причем – как насильтственного, так и естественного, в ирландском языке является основа *mar(b)*, как пишет о ней Ж. Вандриес, *usité de tous temps* [Vendryes 1960: M-19]. Действительно, прилагательное *marb* и производные от него встречаются и в древнеирландских текстах, и в современных ирландских и гэльских диалектах, причем ни частотность употребления, ни семантика их ни в синхронии, ни в диахронии практически не меняются. Сохраняются на современном языковом уровне и образования от этой основы – глаг. *marbaid* 'убивает' (сврп. *maraíonn*), *marbán* (*marbhán*) 'мертвец', *marbna(d)* 'погребальная песнь, элегия' и др., к которым прибавились, например, *marbhlann* 'морт' и *marbhfhaisc* 'смертьение плоти'.

Этимология данной лексемы не составляет, как кажется, проблемы: она имеет соответствия не только в кельтских (валл. *marw* 'смерть', корн. *marow* 'то же', брет. *maro* 'то же'), но и практически во всех индоевропейских языках, причем, как правило, в значении 'умирать; смерть'. Исключение составляет, пожалуй, лишь группа германских языков, в которых эта основа закрепилась за идеей жестокого умышленного убийства (англ. *murder*, нем *Mord*;ср. также западные славянские языки с образованиями типа "umorití" в аналогичном значении [Buck 1949: 286–289]). Интересно, что гайдельские языки (в отличие от бриттских) сохранили архаическую энантисемию основы, в которой идея умирания и убивания кодируются одним корнем. Ср. др.-ирл. *marbaid* 'он убивает' при *marb* 'мертв', употребляется в самом широком значении, как при описании естественной, так и насильтственной смерти (причем предпочтительнее – первое). Например: *Marb in rí íarum i. Eterscele* [TBDD: 4] – "Умер тогда король, т.е. Этерскел".

Др.-ирл. *mar(b)* – восходит, без сомнения, к индоевропейской основе **mer-/morg-* с общим значением умирания, которое, как мы понимаем, является в свою очередь также вторичным. В свое время Вяч.Вс. Ивановым была предложена гипотеза, согласно которой исходным значением этой основы является 'исчезать' (ср. хеттск. *merir* 'исчезли' в значении 'умерли' [Иванов 1987: 5], откуда, видимо, и и.-е. **mer-k-* 'тьма' (ср. русск. *мрак*) как "исчезновение света" (ср. выше др.-ирл. *bás* как "угасание"). Однако, как нам кажется, на обозначение умирания в индоевропейских диалектах оказала несомненное влияние основа **mer-/mor-* 5 'изнурение, лишение' и проч. (многочисленные примеры индоевропейских соответствий (см. [Топоров 1990: 50]), которая обозначает "процесс деформации материи, плоти, приближающий ее к такому состоянию распада, когда она перестает быть самой собой, прекращает свое существование" [Там же]. И.-е **mer-* в данном значении, как мы можем добавить, поддерживается и на ностратическом уровне – *m/a/r-* 'болеть, умирать; рана, боль, язва, вред' (ср. марийск. *merce-* 'хиреть, быть в болезненном состоянии', самодийск. *mer'i-* 'рана', монг. *mer* 'то же' и др. [Иллич-Свитыч 1976: 59–60].

Таким образом, как мы видим, др.-ирл. *marb-*, восходящее к и.-е. **mer-* 4 'умирать', реализует в то же время одновременно идеи исчезновения (**mer-* 3) и затмнения (**mer-* 2), а также реконструируемую на уровне ностратическом общую идею материального распада (**mer-* 5). Т.е., пользуясь нашей классификацией, в и.-е. **mer-* одновременно присутствует концепт 1 (утрата, отсутствие), 2 (затмнение как нарушение перцепции) и 3 (деформация материи). Как пишет В.Н. Топоров – "амбивалентность

mer-* сохраняется в сфере знакового -, этим корнем кодируется само обозначение знака, признака, знакового (меризматического) уровня, но царство смерти (mer-*) как бы отменяет все знаковое (**mer-*), опустошает его” [Топоров 1990: 51].

Подобная семантическая контаминация, как можем мы предположить, присутствует и в др.-ирл. *at-bail* ‘он умирает’ – одном из наиболее распространенных глаголов умирания (глаг. основа *bal-n* с инфигированным местоимением 3 sg. и префиксом с общим значением ‘из, от, вне’ -*ess-*; отгл. сущ. *ereltu* [Льюис Педерсен 1954: 400]). Льюис и Педерсен полагают, что исходным значением ирландской глагольной основы *bal-/bel-* является ‘извергнуть, истогнуть’ (“это”, т.е. жизнь), и соотносят др.-ирл. *at-baill* с санскр. *gala-ti* ‘источается, исчезает’, др.-верх.-нем. *quelan* ‘течь’ (к и.-е. **gʷʰel-*), что семантически родственно др.-ирл. *tám* как обозначения растекания, вытекания деформированной материи после смерти и одновременно – причину этой деформации (ср. валл. *aballu* ‘погибать’, *ball* ‘чума, мор’, корн. *bal*, брет. *baluent* ‘чума, бедствие’). Аналогичного мнения придерживается и Ж. Вандриес, полагающий, что исходным значением *at-bail* является ‘он испускает, истогнает’ (жизнь, последний вздох и проч. [Vendryes 1959: A-98]). Уже упоминаемое нами выше традиционное сочетание данного глагола со словом *губы*, возможно, может служить косвенным подтверждением данного предположения.

Но в то же время, как пишет и Вандриес, “значения ‘умирать’ и ‘погибать’ у и.-е. основы **gʷʰel-*, встречающиеся также в германских (и, как мы могли бы добавить – в бриттских) языках, др.-англ. *swellan* ‘умирать’, др.-верх.-нем. *quâla* ‘страдание’, что заставляет предположить иную семантику базовой основы. Действительно, многочисленные данные германских языков (ср. также прусск. *gallan* ‘смерть’, литов. *géliti* ‘колоть, жалить’, *Giltinė* – персонификация смерти в балтийской мифологии и др.) заставляют предположить, что исходным значением и.-е. **gʷʰel-*, рефлексом которого является др.-ирл. *at-bail*, могло быть ‘колоть, мучить, причинять страдание’ [Buck 1949: 287].

Последнее предположение не кажется нам достаточно основательным, так как др.-ирл. *at-bail* передает скорее идею смерти ненасильственной (за рядом исключений), однако, строго говоря, как и в предыдущем случае, мы можем квалифицировать семантический путь **gʷʰel-* – **bel-* – *at-bail* как контаминацию звуковых основ: “исторжение (жизни)” + “страдание” = “смерть” (по нашей классификации – концепты 3 и 4, т.е. умирание как процесс).

Другая др.-ирл. глагольная основа *bá* (*at-bath* ‘умер’, претерит, *bath* ‘смерть’, *dibath* ‘то же’), несмотря на сложность соотнесения друг с другом как различных производных от нее, так и форм *at-bail* и *bás* (см. в словаре Вандриеса [Vendryes 1959: A-98], скорее всего восходит к и.-е. **gʷʰa-* ‘идти, уходить’ Так, Ж. Вандриес соотносит *atbath* ‘умер’ с санскр. *ágāt* ‘он ушел’ (может быть употреблено и в аналогичном значении), данное соответствие было поддержано и продолжателями этимологического словаря Вандриеса, Э. Башеллери и П.И. Ламбером, которые, отсылая к соответствующим реконструкциям Педерсена и Стоукса, также возводят др.-ирл. *bá* к и.-е. **gʷʰa-* ‘идти’ (“идти”–“уходить”–“умирать”) [Vendryes 1981: B-1]. Аналогичного мнения придерживается и Бак [Buck 1949: 287], и К. Уоткинс, возводящий форму др.-ирл. претерита *at-bath* к и.-е. **gʷʰa-to* ‘ушел’ [Watkins 1962: 74]. Таким образом, повторяем, несмотря на сложность взаимоотношений между собой глагольных и именных форм, которую мы осторожно (и малодушно) постарались обойти, сама реконструкция основы не является предметом дискуссий и опять возвращает нас к одной из уже выделенных нами групп-концептов – к осмыслению умирания как ухода.

Однако, забегая вперед, отметим, что две оставшиеся нам широко употребительные лексемы находятся уже вне предложенной нами классификации и образуют совершенно особую группу, осмысливающую смерть с принципиально иной точки зрения.

Так, необычайно распространенное в древнеирландских текстах существительное *aided* (свр. ирл. *oidhe* ‘насильственная смерть, убийство’) традиционно возводится к глагольной основе *eth-* ‘идти, находиться, брать, захватывать’ с префиксом *ad*- с общим значением приступа, нападения, внезапного действия, направленного к объекту [Льюис, Педерсен 1954: 421]. Ж. Вандриес сопоставляет др.-ирл. *aided* с франц. *attaque* в широком значении [Vendryes 1959: A-27]. Ср. также англ. *heart attack* ‘сердечный приступ’.

Традиционно переводимое как “насильственная смерть” (*mort violente, violent death*), др.-ирл. *aided* входит в качестве “опорного слова” в обозначение одного из традиционных эпических жанров (ср. “Aided Muirchertaig Meic Erca”, “Aided Conchulaind”, “Aided Conchobair” и др.), однако более детальное обращение к самим текстам ясно показывает, что для носителя средневекового сознания понятие *aided* включало в себя не столько идею смерти насилиственной, т.е. убийства (как свр. *oidhe*), сколько представление о смерти в первую очередь – внезапной, неожиданной и неестественной. Действительно, с одной стороны, понятие *aided* оказывается синонимичным понятию “насильственная смерть” (например, в саге “Смерть Кухулина” рассказывается о том, как он был убит сыновьями Калатина, а в “Смерти Муйрхертаха сына Эрк” – о так называемой “тройной гибели” короля, который одновременно был ранен, утонул и сгорел). Однако, ряд текстов, в название которых тоже входит *aided*, могут быть включены и рассказы о смерти в результате несчастного случая, внезапного потрясения и др. (например – смерть короля Конхобара наступила, когда он узнал о гибели Христа, а воин Кельтхайр сын Утехайра погиб, когда ему на голову капнула ядовитая кровь пса). Общей для всех повестей жанра *aided* является идея внезапности смерти и ее, отчасти противоестественный и случайный характер. Идея внезапности, как нам кажется, поддерживается и семантической мотивированностью лексемы: *ad-eth-*, т.е. то, что происходит, нападает, случается (ср. лат. *advenio* ‘случаться, выпадать на долю’). Для позднего европейского средневекового сознания подобная внезапная смерть считалась нарушением мирового порядка, “она была абсурдным орудием случая, иногда выступающего под видом Божьего гнева. Вот почему *mors gerentina* считалась позорной и бесчестила того, кого она постигла” [Арьеес 1992: 42]. Ирландское сознание, более архаическое и потому более ориентированное на идею судьбы, выпадающей на долю человека независимо от него самого, не чуждалось идеи о предназначенности смерти, которая будучи для обычного человека неожиданной, на самом деле была результатом некоего предопределения и в ряде случаев могла быть предсказана. Отсюда, как нам кажется, и исходное значение *aided-* ‘(злая) судьба, участь, рок’ [CDIL, A-1: 104]. В современных гайдельских языках это значение оказывается уже полностью утраченным.

В отдельных случаях понятия противостоящей смерти и злой судьбы оказываются в контексте настолько слитыми, что точный перевод фразы в целом может вызвать затруднение: Например: *Is fir trá, a ingen, – ol sé, – is focus bás damsia, uair do bhí tairrngiri dam comad chosmail m'aidid 7 aidid Loairnd mo shean-athar, uair ní a comlann itir dorochair acht a loscad chena do-rónad* [AMME: 25] – “Это правда, девушка, – сказал он, – что смерть близка ко мне, ибо было мне предсказано, что будут похожи моя гибель (судьба?) и гибель (судьба?) Лоарна моего деда, ибо не в бою он пал, но был сожжен”. Еще большее слитность темы судьбы с темой противоестественной смерти просматривается в следующем примере (текст XII в.): *Innis damh-sa cia haidhedh notbhéra fadhéin?* [BS: 104] – “Расскажи мне, какая смерть (судьба) унесет тебя самого” (вопрос обращен к существу, называемому *geilt*, безумцу, обладающему профетическим даром; в английском переводе этого фрагмента *aided* переведено как *fate*).

Употребленное в множественном числе *aideda*, как правило, означает ‘судьбы’ (или – судьба). См.: *Is do amseraib 7 do aidedaib na rígh-sain ro chan in senchaid...* [RR: 350] – “И о временах и судьбах этого короля спел сказитель...” (для данного текста формула *do amseraib 7 do aidedaib* представляет собой своего рода клише, вводящее

поэтический фрагмент). Ср. также отождествление смерти и судьбы в [Маковский 1996: 312].

Aided, таким образом, это то, что настигает внезапно, что отличается от некоей стандартной нормы (видимо – смерть от старости и болезней) и что обычно предсказывается, поскольку практически все предсказания смерти относятся всегда к смерти, в той или иной степени противоестественной. Действительно, предсказывать сам факт смерти абсурдно, так как “показатели смертности у живых равны 100 процентам” [Уотсон 1990: 129].

Но идея судьбы, настигающей человека, неизбежно вызывает идею персонификации данной судьбы и, если *aided* – это результат нападения, атаки на человеческую жизнь, то при этом, естественно, должен как-то мыслиться и субъект данного нападения, “рука судьбы”, наносящая удар, что позволяет нам непосредственно подойти к выделению особой группы – концепту: смерть как судьба и, одновременно, смерть как персонификация судьбы.

Однако, как нам кажется, несмотря на обилие глаголов с общим значением ‘унести, забрать’, являющихся предикатами при *aided*, в ирландском коллективном сознании идея персонификации смерти в большей степени связывается с другой основой, широко представленной и в других индоевропейских языках. Как пишут Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов, в архаическом языковом сознании «смерть рассматривается как предопределение заранее несчастье, постигающее человека. Сама смерть в таком понимании это и есть “судьба или рок”, о чем можно заключить по семантике общеиндоевропейского слова для смерти – **Henkʰ-/Hnekʰ* – ‘смерть, мор, судьба, принуждение’, ср. валл. *angen* ‘необходимость’, тох. *A näk* ‘исчезать, погибать’, тох. В *nek* ‘погибать’, авест. *nasyeiti* ‘исчезает, погибает’, *nas-* ‘нужда, несчастье’, *nasi-* ‘труп’, греч. *ὶέκιξ* ‘труп’, лат. *nek* ‘убийство» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984: 822]. Ср. также “нектар” – напиток, побеждающий смерть (как неизбежность) при “амброзия”, побеждающий смерть (как ущерб); ср. также, соответственно, “живая” и “мертвая” вода в русских сказках³.

Рефлексы индоевропейского **Hnek-* представлены во всех кельтских языках (валл. *angai*, корн. *ancow*, брет. *ankou* ‘смерть’ при *Ankou* – вестник смерти в бретонском фольклоре, др.-ирл. *écs* ‘смерть’, совр. ирл. *éag* ‘то же’, при гэльск. *eug* ‘смерть’ и *aog* ‘призрак, скелет’). Надо отметить при этом, что древнеирландское *écs* обозначает в первую очередь смерть естественную, наступившую в результате болезни, и при этом противопоставляется *aided* [CDIL, E: 9]. В текстах хроникального типа употребляется своего рода клише – *écs atbath fri adart (ina mur)* – “смерть на подушке (в своих стенах)” – “естественная смерть”.

Интересно употребление множественного числа при *écs* в значении “смерть одного человека”, которое в “Словаре ирландского языка” квалифицируется как “квази-un от гл. *écaid* ‘умирает’ [CDIL, E: 9], например – ba *sáeth moí la Dectiri a dalta do écaib* – “было большим горем для Дехтире умирание ее воспитанника”. Однако, как нам кажется, сопоставление сочетания *do écaib* (особенно – с глаг. *téit* ‘идет’) с также немотивированным мн. числом при *aideda* в значении ‘судьба’ и персонификацией (вестником) смерти в бретонском *Ankou* (при гэльск. *aog*) заставляет предположить, что мн. число в данном случае означает не ‘к смертям’, а скорее – ‘к мертвым’, то есть является “эхом идеи о путешествии в страну смерти” [Falileyev: 6].

Таким образом, группа “*aided-écs*” образует особый концепт смерти как судьбы (с элементом персонификации). При этом данная пара реализует оппозицию “ противоестественная смерть–естественная смерть”, что, однако, актуально только для текстов древнеирландских. Со временем *aided* утрачивает частично свою семантику и *écs* автоматически начинает также “сдвигаться” к обозначению смерти вообще. В бриттских языках *aided* аналогов не имеет, и следовательно, оппозиция двух типов судьбы

³ Последнее наблюдение принадлежит А.В. Дыбо.

могла сформироваться только в период прагойдельской общности. При этом *écs*, восходящее к и.-е. **Hnek-*, изменило, отчасти свою семантику и из неизбежного рока (мора) превратилось в разумную необходимость. Для средневекового ирландца *écs* мыслилось, в отличие от *aided*, как естественное и благое завершение земной жизни (или ее отдельного этапа). Добавим, что бретонский *Ankou* также появляется обычно не на поле сражения (как *валькирия*), а скорее – у постели больного.

Итак, суммируя все сказанное, мы можем прийти к выводу, что анализ группы-концепта, названного нами предварительно “смерть как смерть” показал, с одной стороны, наличие в индоевропейской ментальной общности, по сути, тех же подтипов осмысления умирания, которые были выделены нами для ирландского коллективного сознания (смерть как утрата и исчезновение, смерть как разрушение, смерть как уход, как “духовный”, так и “телесный”). С другой стороны, архаический концепт смерти как судьбы в древнеирландском реализуется при помощи двух лексем, четко противопоставленных друг другу, лишь одна из которых, *écs*, находит соответствия в других индоевропейских языках. В том же, что касается классических индоевропейских основ, кодирующих идею смерти (**mer-*, **gʷel*, **dʰeu-*, **Hnek-*, **gʷes-*), то почти все они (кроме ассоциации идеи смерти с темой корабля и луга), как мы видим, свои рефлексы в гойдельских языках находят и поэтому, как мы полагаем, ментальную специфику средневекового ирландца может в данном случае прояснить не столько сам “реестр” номинаций смерти, сколько особенности его употребления как системы!

Естественно, дать исчерпывающий анализ случаев употребления всех названных лексем просто невозможно. Кроме недостатка материала и его разброса, отметим еще одну трудность, лежащую в самой специфике составления древнеирландского текста – десемантизацию лексемы при введении ее в синонимический ряд. Так, нами было только что продемонстрировано, что *aided* и *écs* обозначают понятия несовместимые, но при этом неоднократно встречался ряд “*bás 7 écs 7 aided* (постигла его)”, что может на первый взгляд показаться абсурдным. Так, данная “формула” была нами встречена в Житии св. Молинга в следующих контекстах: мать пытается убить своего новорожденного ребенка; святому угрожает смертью злой дух; воин падает с коня и погибает. Т.е. во всех случаях речь идет скорее о смерти, кодируемой лексемой *aided*, и *écs* оказывается при этом десемантизованным элементом. Как мы полагаем, обратное, т.е. употребление данной формулы при описании смерти от старости, при которой десемантизированной оказалась бы *aided*, скорее маловероятно, так как *aided*, в отличие от *écs*, лексема более мотивированная семантически.

И все же, попытаемся кратко, если не обрисовать полную схему выявленных нами номинаций умирания с точки зрения их употребления, то хотя бы наметить основные оппозиции, релевантные при этом.

Так, традиционная оппозиция “смерть человека–смерть животного”, как кажется, для периода древнеирландского на вербальном уровне не реализуется. *Stíug* – ‘подыхать’ является скорее новообразованием, тогда как в средневековых текстах смерть животного описывается так же, как и смерть человека. Например: *Coro marb a oendam dam-sa* [ODR: 19] – “Когда умер мой единственный бык”. Намечающаяся оппозиция “смерть человека–смерть животного” присутствует в тексте XVII в. (Житие св. Молинга), автор которого, говоря о людях, воскрешенных святым, использует конструкцию “*No todhuscedh marba*” [Stokes 1906: 302] – букв. “пробуждал мертвых”, тогда как по отношению к оживленной им корове употреблено выражение “*ro thathbébaigh*” [Stokes 1906: 288] – букв. “ввел в жизнь”. Однако, повторяем, для традиционного средневекового сознания данная оппозиция, видимо, еще просто не существовала; в языке народном, напротив, она оказывается особенно релевантной (данными разговорной речи крестьянского населения раннего периода мы, естественно, не располагаем).

В текстах, если можно так выразиться, клерикальной направленности (в житиях и хрониках) достаточно прозрачно просматривается оппозиция “смерть духовного

лица—смерть мирянина”, однако конкретная вербальная реализация может варьироваться от текста к тексту. Так, например, в Житии св. Колумба Килле XII в. по отношению к духовным лицам последовательно употребляется слово *etsecht* (букв. “отсутствие”), тогда как смерть других лиц описывается при помощи глагола *atbail*, причем – независимо от характера смерти. В “Хронике королей” смерть духовного лица описывается при помощи лат. *quiescit*, тогда как по отношению к королям употребляются разные лексемы, выбор которых зависит уже от обстоятельств смерти.

Интересно при этом, что при выборе лексемы все составители разных рукописей “Хроники” руководствуются обычно бинарной оппозицией “естественная смерть–насильственная смерть”, при помощи которой иногда бывает сложно описать отдельные “пограничные” случаи. Так, убийство в бою традиционно описывается как *torchair* (“пал”), а естественная смерть от болезни или старости – как *atbath* или *écs atbath* (букв. “умер смертью”), реже – *conerbailt*. Однако в отдельных случаях выбор глагола для описания смерти, так сказать, “промежуточной” мог определяться и самим составителем рукописи, который и квалифицировал, таким образом, характер смерти того или иного короля. Например:

R¹: Crimthand mac Fidaig... co torchair la Mongfhind, la derfiair féin [RR: 346] – “Кримтан мак Фидаг... так что *погиб* от Могфинд, своей собственной сестры”; cp. Min: Crimthann Mór mac Fidhaig... *conerbailt* do dig thondaigh o shair – “Кримтанн Великий мак Фидаг... *умер* от напитка смертельного от сестры”;

L: Cormac hua Cuind... *conerbailt*... tar lenamain cnama bratain ina bragit [RR: 336] – “Кормак О Конн... *умер* после того, как попала кость лосося ему в горло”; cp. Min: Cormac... co *rusmarb* cnaim bratain – “Кормак... что был *убит* костью лосося”;

L: Nathí... *conerbailt* iar na beim ó thenid shaignén [RR: 350] – “Нати... *умер* после того, как его ударило огнем молнии”; cp. M: ...cotáinic soiged gelán do nim tré guidi an firebín cor *marbh* in ríg – “...так что вышла молния сверкающая с неба по велению этого честного человека, так что король был *убит*”.

Ср. интересный пример, показывающий отношение самого клирика к описываемому им событию, проявляющееся лишь в выборе глаголов (в наказание за грехи дурных королей была послана тяжелая эпидемия): Conad don teidm *díglá sin* do *báthadar dá ríg sin...* mailli re náemaeib imda do *marbad* don mortlaid sin [RR: 380] – “Так что от этой болезни-возмездия *умерли* эти два короля... со многими святыми людьми, которые *были убиты* этой эпидемией” (т.е. одна и та же смерть квалифицируется как естественная по отношению к греховым королям и как трагическая гибель – по отношению к клирикам).

Ср. в “Безумии Суйбне” употребление *écs* по отношению к родителям героя (которые, видимо, должны были умереть от старости) и – *marbh* – по отношению к его брату и детям (смерть которых, видимо, мыслилась составителем текста как насиленная) – “Умерли твои отец и мать и погибли твои сын и дочь” (см. [BS: 52]).

Интересно, что в “Хронике” в отдельных случаях вводится нейтральное *bás*, видимо, как базовое обозначение смерти вообще, когда причина смерти неясна и составитель текста оказывается вынужденным перейти от бинарной оппозиции к градуальной. Например: Rugraige... *conerbailt* do *thám...* no adbearaid araile do lebraib is siabra do imir *bás* fair [RR: 292] – “Рудрайге... *умер* от чумы, но говорится в других книгах, что его *смерть* вызвал призрак”. Или: Slanoll mac Olloman Fotla... ní bai galar ina flaith 7 ní feas ca galar *nodruc* acht a fagáil *marbh* na imdaid. Ocus ní ro soith dath 7 ní ro lob a chorp; 7 tucad a talman la mac i cínd bliadna 7 ní ro lob. Tricha bliadan dó i ríge nÉenn, sul *fuair* in *bás* sin [RR: 236] – “Сланолл мак Олломан Фотла... не было болезней в его правление и не известно, какая болезнь его *унесла*, но он был найден *мертвым* на своем ложе. И не менялся цвет его лица и не гнило его тело, и вынули его его сын из земли через год, и он так и не сгнил. Тридцать лет правил он Ирландией до того, как *получил такую смерть*”.

Интересные наблюдения над этим текстом, а также над другими можно было бы продолжить, но для более определенных выводов материал надо или сильно расширить, или, напротив, ограничить одним памятником (или группой однородных текстов) К тому же надо вспомнить и о том, что текст художественный подчиняется уже каким-то иным законам, находящимся вне рамок нашего исследования Так, поэт Даллан Форгал в поэме “Чудо Колума Килле” (конец VI в.), говоря о мирной кончине 76-летнего святого, использует шесть разных номинаций смерти (*bath*, *dibath*, *ba*, *intech* (“уход”), *bás* и *éc*), но ответить на вопрос, чем он каждый раз руководствовался при выборе лексемы, мы не можем По крайней мере – пока

*

Но приблизились ли мы к решению проблеме локализации Иного мира в сознании средневекового ирландца? Как кажется – отчасти, да Выявленная нами оппозиция – *aided-éc* ясно демонстрирует отсутствие страха перед смертью смерть неизбежна, но в этом нет ничего плохого, если это не внезапная, насильственная или иная противопоставленная смерть В то же время необычайная стойкость лексемы *bás*, в современном ирландском являющейся базовым обозначением смерти, осмыслиющей умирание как “угасание”, как нам кажется, может отчасти раскрыть и осмысление феномена смерти в целом умерший “потух”, но, видимо, не исчез совсем Он перестал быть видимым, его не хватает живым, но он по-прежнему где-то здесь (ср также отсутствие концепта “смерть как конец”) Может быть именно этим и объясняется особое отношение к смерти у ирландцев, понимающих, что Иной мир не отделен от мира этого и граница между ними лежит лишь в зоне перцепции

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д 1995 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка Проспект, под рук Ю.Д. Апресяна М , 1995
- Апресян Ю.Д., Богуславская О Ю, Левонтина И Б, Урысон Е В, Гловинская М Я, Крылова Т В 1997 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка Первый выпуск М , 1997
- Арьеес Ф 1992 – Человек перед лицом смерти М , 1992
- Гамкелидзе Т В Иванов Вяч Вс 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы Т 1–2 Тбилиси, 1984
- Иванов Вяч Вс 1987 – Лингвистические материалы к реконструкции погребальных текстов в балтийской традиции // Балто-славянские исследования 1985 М , 1987
- Иванов Вяч Вс 1990 – Реконструкция структуры символики и семантики индоевропейского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской духовной культуры Погребальный обряд М , 1990
- Иллич-Свитич В М 1976 – Опыт сравнения иностранных языков Сравнительный словарь (1-г) М , 1976
- Калыгин В П 1995 – Кельтский концепт мир в сравнительно исторической перспективе (обзор) // Социальные и гуманитарные науки Зарубежная литература РЖ Сер 6 Языкоизнание М , 1995
- Льюис Г Педерсен Х 1954 – Краткая сравнительная грамматика кельтских языков М 1954
- Маковский М М 1996 – Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках Образ мира и миры образов М , 1996
- Никитина С Е 1989 – Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность М , 1989
- Носенко Е Э 1987 – Представления кельтов о загробном мире (дохристианская эпоха) // Религиозные представления в первобытном обществе Материалы конференции М , 1987
- Русацкене А 1990 – Функционально семантический анализ лексики связанный с понятиями жизнь и смерть' в языке древнеанглийской поэзии Автореф канд дис М 1990
- Смирнов Ю А 1985 – Тафология Попытка системного подхода // Человек и его природное окружение в древности и средневековье материалы совещания М , 1985
- Топоров В Н 1990 – Заметка о двух индоевропейских глаголах умирания // Исследования в области балто-славянской духовной культуры Погребальный обряд М , 1990
- Топоров В Н 1993 – V Имена личные в русских заговорах об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балто-славянской культуры Заговор М , 1993
- Топорова Т В 1994 – Семантическая структура древнегерманской модели мира М 1994

- Уотсон Л 1990 – Ошибка Ромео // Жизнь после смерти М , 1990
 ACC – Amra Choluimb Chile // Revue celtique, 1899, V XX
 AMME – Aided Muirchertaig Meic Erca / Ed by L Nic Dhonnchada Dublin 1980 (MMIS V XIX)
 BDS – (Togail) Bruidne Da Choca, The destruction of Da Choca Hostel / Eb by W Stokes // Revue celtique, 1900
 V XXI
- B 1928 – Bealoideas The journal of the folklore of Ireland society Iml 1 1928
 Breatnach M 1982 – The Sovereignty goddess as godess of death? // Zeitschrift fur celtische Philologie Bd 39
 1982
- BS 1913 – Buile Suibhne The frenzy of Suibhne / Ed by J G O Keeffe London 1913
 Buck C D 1949 – A dictionary of selected synonym in the principal Indo European languages Chicago 1949
 Carey J 1982 – The location of the otherworld in Irish tradition // Éigse 1982–83 № 19
 Carey J 1987 – Echtrae Conlai A crux revisited // Celtica 1987 V 19
 Carey J 1989 – Ireland and the antipodes The heterodoxy of Virgil of Salzburg // Speculum 1989 N 64
 Carey J 1993 – Time memory and the Boyne necropolis // Proceedings of the Harvard Celtic colloquium – 10
 Harvard 1993 (русс пр Н А Николаевой см Атлантика Записки по исторической поэтике № 3)
- CDIL – Contributions to a dictionary of the Irish language Dublin
 Dinneen P 1927 – Irish-English dictionary Dublin,1927
 Dumville D N 1976 – Echtrae and Immram some problems of definition // Ériu V XXII 1976
 Falleyev A – The dying Celt Some philological consideration (рукопись)
 FR – Fingal Rónán and other stories / Ed by D Green Dublin 1993 (MMIS V XVI)
 Herbert M 1988 – Iona, Kells and Derry Dublin 1988
 Knott E 1966 – Irish syllabic poetry Dublin 1966
- LGE – Lebor Gabala Erenn The Book of taking of Ireland Pt V/ Ed by R A S Macalister Dublin 1956
 Lewis H 1960 – Welsh Dictionary London and Glasgow 1960
 Mac Cana Pr 1976 – The sinless otherworld of Immran Brain // Ériu V XXII, 1976
 MacLennan M 1925 – A pronouncing and etymological dictionary of the Gaelic language Aberdeen 1925 (1979)
 Muller Lisoński K 1945 – Contributions to a study in Irish folklore Tradition about Donn // Béaloideas Iml 16 1945
 ODR – Orgain Denna Rig // Fingal Rónán, and other stories / Ed by D Green Dublin 1993 (MMIS V XVI)
 Pokorný J 1959 – Indogermanisches etymologisches Wörterbuch Bern München Bd 1–2 1959
 Ross A 1990 – Folklore of the Scottish Highlands London 1990
 RR – Reim Rígráide, Rolls of the Kings // LGE
 Sims Williams P 1990 – Some Celtic otherworld terms // Celtic language Celtic culture A Festschrift for Eric P
 Hamp / Ed by A T E Matonis D F Melia California 1990
 Siscealta 1977 – Siscealta ó Thír Chonail Fairy legends from Donegal / Ed by S O'Cathain Dublin 1977
 Stokes W (Ed) 1906– Genemain Moling ocus a Bhethae The Birth of Moling and his life // Revue celtique
 T XXVII 1906
- TBDD – Togail Bruidne Da Derga / Ed by E Knott Dublin 1963
 TBF – Táin Bó Fraich / Ed W Meid Dublin 1967 (MMIS V XXII)
 Thurneysen R A 1946 – Grammar of Old Irish Dublin,1946 (перевод 1975)
 Vendryes J 1959 – Lexique étymologique de l'irlandais ancien – A Dublin Paris 1959
 Vendryes J 1960 – Lexique étymologique de l'irlandais ancien M N O P Dublin Paris 1960
 Vendryès J 1978 – Lexique étymologique de l'irlandais ancien T U / Ed by par E Bachellery et P-Y Lambert
 Dublin Paris, 1978
 Vendryès J 1981 – Lexique étymologique de l'irlandais ancien B / Ed by par E Bachellery et P-Y Lambert
 Dublin Paris, 1981
 Watkins C 1962 – Indo-European origins of the Celtic verb Dublin 1962